

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

собр. Чигорина, Н.Э., пост. 1934, № 71

Ф. 621

Оп. 3

бг. 70

Ремизов, Алексей Михайлович

Стихотворение его „Иуда“.

З1 д.д.

1903 г., автограф

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Анна Гончарова

2

1844

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

О горюхое горе дерзнувшемъ...
Поднявшись руку
Въ недвижности поклонивъ
Разбившись сердце
О камни гранатъ,
И плодъ отпевавшии затвердныи
И падающи замертью
И подняжю птайнис.

О горе горюхое!
Пустыя луга бѣ матери оставались безъ затаѣй.

Ке спалѣ на стражѣ
Думы свое боленої,
Молчанье раздѣрило грозу,
Чеснокъ отвѣтилъ на обиду,

Стереть законъ порвашъ,
Уйти вси жизни домогане,
Оклендатъ вѣбѣнне ясное,
Прѣдаю, любъ...

Непокорной проходилъ тѣлко косноспѣ, —
Хотѣшишъ
Воздухъ претолъ сѣдѣшъ.

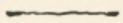
Ступайти энѣ въ осижене!
Ступайти на городъ!
Отпогаситъ душа бѣти хиннаца,
Пронзитъ скобъ твердыни
И въ дадь безвѣстности уйдетъ
Власити пелено гужкой, великой,
И тамъ заимелъ помарози молни,
Посенелъ въ тунгъ тундано-тяжиной
Стоячаго дѣжанія киевитъ — наслѣдовъ.

О горе, горе!
Влѣсостъ казакъ.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

5

Хоспарес Позороеъ.
Людская слава.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Паутино-пурпурное небо леденых вееровъ
зелёными-цельными птицами птичью птицей обвяло.

Надъ моремъ чуда всплыли сюда по камушкамъ
бескрою разославъ дороги полногной
полорныхъ марокъ.

Мяки деревьевъ въ шумахъ заснувшихъ,
сердечь, насыщались, какъ трауръ народныхъ
дущихъ одинокои.

Съ триждыдати одинъ,
съехъ близже къ Первому,
для Перваго Потопа запреты,

Покуро-сгорбленныи, пажевъ,
какъ самыи блжныи,

Гудъ скованно скульпъ свою посы.

Пыхъ голоса, какъ Перепертого ворежи,
изойтико съистяты, скрипъ
о колотящемся сердце

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Пустой груди, где отзовки
возвращаютъ желанье
расторжено,
затягивно,
рекибо...
И иже дще мене ради
погубитьтъ своего душу
обращаетъ я.

Обездраженныя голоса Годна
скрип и вздрогнулаась.
Попутченныя птицою оги
спрятали тяжкую, кровавую мольбу.
Крик вздошенностей сенин из бересинка
заскользилъ кукушками звономъ
по утреннему-вздохамъ
и въ изнанкахъ,
и торжествахъ кусливыхъ
и въ пленѣ Птенца.
Морскія волны пѣшились,
рвались за ноги, за небо
кукишевъ, безвзорныхъ,
и бѣлахъ спотыкались,

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Какъ *Пожеланій*,
ступаю по земли хлопотущей,
и сядь, рабъ се, сядь.

Надуриди речами
въ счастіеніе *Двара* стѣжъ,
и тяжкое подзло, какъ *Ураганъ*...

Но *шерстяной*
толкъ старай.

Грядетъ! Грядетъ!
Благословенъ грядущий!
Осаждъ въ вѣшихъ!

Какъ *Ласкъ*, *шептунъ*
тупая терни,
битами хлещетъ
сіянце *Пакъи*.

Безыисленныхъ голосъ живое
и рука *Простертиихъ* привѣтъ —
шахъ на морѣ,
береста въ деревѣ,
крестъ перекрестныи.
Какъ *Царь* ступаетъ,
ногами *толкетъ*

Крикавій каменъ.
Оно свершилъ:
предстакунѣе сонмы
разяще - красныхъ
чеги порфирныхъ;
на горизонтѣ синемъ
отверзупаса ступени
пожаромъ страшныимъ,
надѣлъеъ тленныхъ
прорѣжунѣе землю.
Настанетъ царство
надъ царствомъ золотое
неизрѣженной силы,
неслованыхъ желаній.
Срадеть! Срадеть!
Осанна въ волниныхъ!

Такъ будеъ засыпаетъ
по столпамъ нынѣ изъ дорогахъ.
Иисусъ въ одѣждѣ смертныхъ
бѣднѣющихъ предчувствій
бросаетъ городъ.

- - - - -

Каждъ городочъ меруажъ
с холодащейъ мольвъ,
и шокотъ спиринъ
людскаго гнѣва,
и рожотанье
грядущей смерти...
Въ любанъхъ тихъ
чаржичахъ Проклятий,
закусенныи гербами,
съ отами ада,
сегодня Мазарб
въ веселье экизы.

Стукъ звонче Рима,
глуши гнѣты порабощенъ.
Бурлящи акулы гласъ
и гласъ Пророковъ.
безлужнисхъ сумерокъ
безрѣзная Петровъ.

Когдъ напролѣтъ,
глазъ не смыкая,
кадъ морозъ възмущивъ
дышъ кипящихъ

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН¹¹

искажа́ть Йуда...
Весь содрога́лся
всё огни мечтали
и разруши́лись
подъ гнётомъ пыжини
зловещакий.
Осудя́тъ на смерть...
въ Ерусалимъ...
Осудя́тъ Бога,
какъ Адама...
Но голосъ събѣлъ то,
какъ взревъ прощаленій,
судебной рѣдае́тъ:
“Единъ, единъ отъ всевъ...”

По утру, возбраня́ясь,
взжалъ Христосъ.
Смоковница пустая
не пріютила.
Моща отъ слова
зеленъ исчезъ,
шурша, свернувшись,
и тернота проклятия

изъялъ съмъ.

"Аще вѣру имаше

и не усмирилъ сѧ

не поклю скоповнѣжное солтворилъ."

Продажнѣй сѣровѣбъ,
какъ предателѣ,
закинуто - тупо,
лукавства полныи,
и озираясь и виглядахъ,
весь въ ликованіи,
клубащися подъ броней
и въ бронной обѣтѣ,
искорюючи ступаєти
въ жилище вражбе
ненданыи другониз.
И поми, пторузвѣбъ,
въ шпіонской маскѣ
Неочтненнаго чѣмѹ мѣрилъ.

О, Господи,
и Предавали Тебя

въ Пѣонъя твореніяхъ дивныхъ
и самыихъ близкихъ
земночу сердцу.
Я знайдалъ искупленія,
я знайдалъ чуда
въ искалечныхъ приселеніяхъ.
Хотѣлъ вспять на судьбу теплого,
расшатанаго,
поправить что-то...
И сколько разъ,
сколь и вѣръ,
также либо слово либо
оскорбленье бросали за оскорбленье и
и наносили любви желанной
за раной рану.
И вдругъ, отнувшись,
предстала клячко я ощущалъ
и, освѣтленной низостью,
тотчасъ торуганное сердце.

Принадѣжалъ пайко
въ домъ геновѣфа
сочлисъ на праздникъ

и возгнаны.

И ветеръ вѣтъ

вѣтъ вѣстъ

избушей мухи.

И омовеніе Христосъ готовилъ
къ раскрытию тайнъ.

Аминь, аминь, глаголъ бывъ,

единъ отъ васъ

предасть менѧ."

Иоаннъ, пришедши съ

къ груди Христовой,

- Кто есъ, о Господи, - глаголъ.

И, облокнувъ кусокъ,

Христосъ Йудѣ подалъ.

"Сже твориши,

скоро сотвори."

И вышелъ вонъ

тогда Йуда,

въ смущеніи странноиз

передъ всезнаніемъ

и восхищеніемъ

передъ избраниемъ...

Ночь туманомъ заслонила
черной кашлей — слезой холода
дробила нѣжность аромата
цветовъ подлеекъ вихъ.

Предпраздничная тишина
и вѣнчанье стояли,
затмивъ движанье,
на сторожѣ
часовъ бѣгущихъ.

Оружіемъ, полта, брачая,
засыпалъ борзившій сѣттомъ
сѣтчицъ никою дѣвицѣ изъ.

Ворами крадется
здѣстинуший Кедровъ
къ альбиноса никлеси,
вспыхнувшими страданія
неотвратимой Часи...

Съ горечицами взоромъ ожиданья,
какъ шатъ къ ребенку,
плакавъ къ зѣбѣ,
къ Христу подходитъ
Гуда вѣрнѣй.

И, притпадая къ устамъ любившихъ,
любви устали

Путь открывается
къ побѣдѣ горней.
Расси! Расси!

Покорныиъ звѣрьши
и кровожадныиъ
тильта свой круз
непроходимыи кручинть.
Поетъ брячанье.
Чадъ гернистъ,
тѣла синева,
сѣбѣ ровняетъ
шагово стѣшашихъ.

Лѣтучъ трикрамъ возвѣстивъ
зарю ненастивъ.
Разрушеные пробрались облака
по сѣти сѣри
на тронѣ разрушенный восходъ.
И дѣли сѣти мелкими
и спали разбросавшися
по землю, по небу,

всё таинство учили свободы
и раздирая сплющился душа
сонливой собственности.

Огни костровъ, старожилы, меркнутъ.
И Петръ ушелъ отъ Каифы
уничтожено-собственности,
въ пѣнняхъ презрѣнія,
цѣплажущихъ раскаяніемъ
надрываясь.

Послушная толпа
избитаго Христова
ко Пильату послана.

Рабы! Рабы!...

Одни Гуда
съ посокой страшной
страшнѣе постки.

Былый свободы тогитъ, тогитъ душу.
Развѣдѣть не послушать,
развѣдѣть лишь распахнуть Жигто
на шѣстѣ да.

О, это ты свободы тогашній!
Всѣ проглядѣли глаза

уздечкой искала счастье,
ночь разсвѣтала
и въ тишинѣ дрожащей,
спивала пѣсней пѣсни,
снимала шепотъ.
Распято время,
распластаны его дни некогда...
Бѣгите, бѣгите мгновенія!
Хоть каплей, хоть пестинкой
засѣсу распахните,
зажигите солнце новое!
Мозги сбинцовъи изъ плаковъ
пососи и давите терепъ.
Эмблемами клубками
дышать зумы сердца.
Однѣ, однѣ...
Распни! Распни!
Луда задорожуя
подъ вѣрныимъ лезвіемъ
грешающей Правды.
Умретъ,
сгинетъ...
Христосъ Лудъ рабенъ,
въ Немъ генохвѣкъ посѣянъ...

И ге́лоббхъ Предаи ге́лоббхъ...
Распни! Распни!...
Дай опе́бтъ ииѣ, Ге́лова!
Ты поды́малъ меня
на облака Синяя
и новую скрижаль
изъ молни́й Высокая
и путъ громади успи́малъ
сквозь оби́и шукъ...
Ведь, ведь...
Луда, какъ си́тия боленое.
Безпомощно занесли руки:
общана просятъ.
Унижаны восполчиливецъ,
горляндами любви повитъ,
любви изъвергнутой,
рекивой о любви...
Я именемъ Твоимъ бывоъ...
Учретъ,
снгтетъ...
Пажевши колкими
распахлаось сердце.
Кепоправиное вползо,
загроизло...

Понурилася душа.
Безумье тихое
несловно приводило
к кресту подорд.

Ползкомъ проползъ
къ старбайшинамъ Луд.
И полумертвени словами
въ тоскѣ кромѣши
передъ презрѣнныи презрѣнныи
раскаяніе:
Согрѣшилъ я, предавъ
кровь невиннаго.
И, бросивъ сребренники въ храмѣ,
бездомный, разрушенный до тла,
въ послѣднее убѣжнище онъ постучался
къ тебѣ, о мастеръ покинутыхъ,
Смерть.

Я слышу рыданье
Поруганной вѣрѣ,
Вниманію любви
И зы вѣрныхъ вѣрного
Луды.